

К 100-летию со дня рождения А. П. Чехова

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЧЕХОВА...

Невозможно представить себе нашего современника, строителя коммунизма, в размышлениях которого о жизни, людях, о труде не присутствовали бы образы Чехова, его любовное и требовательное отношение к человеку. Читателю Чехов представляется всегда задушевым собеседником — то веселым, то грустным. И в рассказах его люди ходят, разговаривают, пьют чай, заняты подчас скучными делами, охвачены обычно тусклыми и мелкими чувствами. Вместе с тем — это-то и является чудом чеховского искусства! — читателя не покидает мысль, что писатель все время думает о другой жизни — ясной, исполненной высокой мысли и творческого труда.

Да, в литературе прошлого было немало писателей, голос которых был громче, социально заостреннее. И все же Чехов сохраняет свое обаяние и по сей день, свое умение говорить о важном, насущном.

В воспоминаниях выдающегося артиста Московского Художественного театра В. И. Качалова сохранилась запись о беседе В. И. Ленина с М. Горьким в напряженном для нашей республики 1919 году. Горький утверждал, что нашему народу нужна героика. А Ленин возражал на это: «Нужна и лирика, Чехов, житейская правда».

Понять Чехова, как и любого писателя прошлого — это значит понять его время. Творчество Чехова протекало в трудное для русского народа и его культуры время. Торжество реакции, пессимизм подавляющей части интеллигенции, просачивавшееся всюду влияние церкви... Было и другое — под толстой корой обывательщины и мракобесия созрели силы, которые скоро, через год после смерти писателя, поднимут народ на штурм царского самодержавия. И не случайно в последних произведениях Чехова все яснее складывалась политическая мысль, все более зримым и определенным становилось предчувствие больших перемен, великой очищающей бури.

Чехов начинал литературную деятельность в третьестепенных юмористических журнальчиках. Вырвавшись из полумрака отцовской лавки, убожества провинциального города, он в своих рассказах умел смеяться юношески звонко, как бы защищаясь смехом против нищеты и жестокости тогдашней действительности. Этот смех был сохранен Чеховым до конца, и он был недоволен, когда его комедии «Вишневый сад» играли в лирических полтонах. Сначала никто и не заметил, из чего созрело то серьезное, пронзительное и согретое любовью к человеку отношение к жизни, раскрывшееся в зрелой чеховской прозе. Советская литературная наука раскрыла то важное и глубокое, что было спрятано в таких чеховских «пустыках», как «Смерть чиновника» или «Винт». Совсем недавно были опубликованы наблюдения К. Чуковского об «эпопоевском языке» раннего Чехова. Пользуясь намеками и инсказаниями, начинающий писатель смело, часто дерзко выступал против реакции и мракобесия.

Если читать Чехова подряд, начиная с первого тома, то «Степь» в сравнении со всем явится произведением необычным, почти фантастическим, как заповедь какой-то велико-лепной песни. Из тесного круга житейской прозы, от рассказов о людях маленькой судьбы Чехов сразу шагнет к эпической истории о путешествии ребенка в город по бескрайней, как море, степи. Здесь явятся великолепные картины русской природы, а прекрасные люди с богатырским размахом души будут побеждать расчет и эгоизм повседневной жизни. Пусть в конце повести Чехов остановит своего маленького героя в чужом и холодном городе, но чувство родины, приобретенное во время медленного путешествия по степи, останется неискоренимым. Безусловно, чувство родины у нашего современника сложилось прежде всего в его большом труде на благо Родины, в битвах и испытаниях войны за нее. Однако, если он заглянет в самую глубину этого чувства, то найдет там и теплое впечатление от «Степи».

В своих рассказах Чехов не запечатлел образы героев, борцов и строителей так, как понимаем их мы — для этого у него не хватало жизненного материала. И все же в чеховской лирике, подчас глубоко внутри нее, жила героическая основа — выстраданное и неугасимое понимание красоты целеустремленного творческого труда. Именно это пленяло в чеховской прозе М. Горького. Он писал, что «не видел человека, который чувствовал бы значение труда как основания культуры так глубоко и всесторонне», как Чехов. Между тем в рассказах писателя не так уж много персонажей, жизнь которых наполнена большим и умным трудом. Перелистывая собрание сочинений Чехова, читатель встретится со столом Бутыгой. По убеждению героя рассказа «Жена», Бутыга, строивший прежде всего прочно и основательно и видевший в этом главное, придавал «какое-то особенное» значе-

А. П. Чехов и А. М. Горький в Ялте (с фотографии начала 900-х годов).

ние человеческому долголетию, не думал о смерти и, вероятно, плохо верил в ее возможность». Со стороны их прочности рассматривает людей и вещи старый плотник Елизагов, по прозвищу Костыль («В овраге»). В упоенном труде ищет спасения заблудившийся в жизни правдоискатель маляр Редька из повести «Моя жизнь».

Чаще Чехов рассказывает с болью и горечью, как в его время труд становился безрадостным, унижительным, непосильным. В той же повести «Моя жизнь» описана история дворянского сына Мисаила Полознева, ушедшего из своего мертвого и лживого мира в рабочую артель. Герой так говорит о тружениках:

«В лавках нам, рабочим, сбывали тухлое мясо, леглую муку и спитой чай; в церкви нас толкала полиция, в больницах нас обирали фельдшера и сиделки, и, если мы по бедности не давали им взятку, то нас в отместку кормили из грязной посуды; на почте самый маленький чиновник считал себя вправе обращаться с нами, как с животными, и кричать грубо и нагло: «Обожди! Куда лезешь?»

Труд, посвященный высокой гуманистической идее, скорее присущ интеллигентам — врачу Дымову или лесоводу Астрову. Чехов создал большую галерею таких тружеников: служащих, земских деятелей, врачей, учителей, студентов. Все же, думается нам, был прав немецкий писатель Томас Манн, когда он писал, что Чехов не был писателем трудящихся, а писателем труда. К этому нужно добавить, что, перечитывая этого писателя, часто убеждаешься, как его представление о труде, о красоте труда близко к нашему пониманию.

Чехова вспоминаешь, когда читаешь в «Литературной жизни» статью замечательного советского писателя Л. Леонова «Красота труда». В этой статье ставится вопрос о том, что пришло время подумать не только о рационализации рабочих инструментов и станков, но и об их красоте, об эстетике автоматических линий.

«Мы вступаем в пору, — писал Л. Леонов, — когда глубже, выше и поэтичнее на языках земли будет звучать слово «труд». И думается, что в эту пору преступление против коллектива, против общества будет караться не как нынче, принудительными работами, а наоборот — отлучением от труда, от творческого общественного процесса — караться бездельем, означаящим, что этот жалкий ублюдок хотя бы временно не нужен обществу».

У Чехова удивительно сильно выражено отвращение, почти безразличность по отношению к этим отлученным от общественного труда ублюдкам. Весь свой талант художника писатель использует для того, чтобы настичь тунеядцев в их самых потаенных норах, сбросить с них лицемерную маску. Вот примеры, взятые почти наугад. В рассказе «Бабье царство» жизнь беспечной фабрикантши нарисована на фоне страшной нищеты и бесправия рабочих заводов. В рассказе проходит целая вереница людей, здоровых, сытых и все же бездельничающих. Вот появляется на праздничном обеде известный адвокат Лысевич. Чехов дает яркий портрет красивого, с «необыкновенно изящными манерами» человека, неизвестно за что полу-

чающего на заводе 12 тысяч жалованья в год, и силой искусства показывает его пошлость, дешевое оригинальничанье. Лысевич говорит плавно и красноречиво, он рассуждает о литературе и становится похожим на муху, засиживающую произведение искусства. Все красноречие Лысевича имеет своей целью выпросить у хозяйки награды.

Вот другой персонаж из «Ариадны» — рассказа о сильной любви безвольного человека к пустой и испорченной женщине. В рассказе описан брат героини, прогоревший и все же роскошно живущий помещик Котлович. О нем Чехов пишет: «Он ничего не делал, ничего не умел, был какой-то кволый, точно сделанный и пареной репы; лечил мужиков го-меопатией и занимался спиритизмом».

В самом творческом поведении Чехова, в его облике было много такого, что роднит его с людьми социалистической эпохи. Цельность его личности заключалась в том, что он не только был поэтом труда, но и всей жизнью своей утверждал превосходство человека-труженика. Как известно, Чехов был врачом и никому не отказывал в медицинской помощи, самоотверженно участвовал в борьбе против эпидемий, он строил школы и создавал библиотеки, хлопотал о помощи и сам помогал беднякам, неутомимо возился с начинающими писателями. Его книга «Остров Сахалин» была и остается примером настоящего подвига журналиста и ученого.

Главным для Чехова был его литературный труд. В умении найти и изобразить типические черты своих героев, в тонком и лаконичном изображении природы, в удивительном по своей грани и точности языке — во всем совершенстве чеховской прозы выразилось представление писателя о гармоничной и совершенной жизни, о благородном и вечном труде. При этом в литературной работе Чехова не было ни «боговдохновенных» состояний, ни вымучивания оригинального слова. Она была похожа на работу ученого и рассчитана была на такую же долговечность, как мебель Столяра Бутыги.

Обращаясь к исследователям творчества Чехова, Горький требовал:

«Необходимо писать о нем очень метко и четко». К этому надо добавить, что и читать его рассказы следует медленно, так же, как пьют ледяную воду из родника. При таком глубоким чтении небольшие по размерам повести и рассказы разрастутся в романы о всей жизни человека, о всем времени, в котором Чехов жил. К сожалению, в наших школах тратят все небольшое по учебному плану количество часов литературы исключительно на выяснение проблематики, на характеристики образов. Мы просто забываем иногда учить читать литературу, особенно читать Чехова.

...Мне вспоминается один эпизод, свидетелем которого я был в маленькой районной библиотеке. Девочка лет 14 долго перебирала книги. Наконец, ее выбор остановился на тонике избранных рассказов Чехова. Стоявшая около нее пожилая женщина сказала с легкой завистью:

— Какая ты счастливая: ты в первый раз будешь читать Чехова.

А. СЕМЕНОВ,
доктор Ярославского педагогического института.